

Весенние зарисовки

Татьяна Грибанова

Леденцы

В глубине сада, в захолустье, присев на правый бок и облокотившись о размашистый штрифель, притулился ветхий-приветхий пчельник. Навзimu отец прячет улыбку от сараюшко. Каждый год грозит развалить его да сладить новый. А пока по осени, обшипав по верху прогнившую солому, подвозит возок-другой ржанки и наваливает ее на крышу сарайчика. Отец считает, что под железной или шиферной крышей пчелам зимовать холоднее, а потому укрывает ульишки соломой. Уж и не помнит, сколько слоев взвалил на крышу допотопного пчельника. Посмотришь издали: небывалый муравейник на наших задворках взгромоздился.

Зимой амбарчик заваливает снегом по самую макушку. А по весне, как вызграет солнце, пчельник вытаскивается: начала соломенный стог разжестся, потом прогланут и стены. Они у сарайчика глиной для тепла обмазаны. Такие хатки мазанками называют.

Во всей деревне не сыскать длиннее и вкуснее сосулек, чем те, что свисают с соломенной крыши нашего пчельника. То ли оттого что сосулька, прежде чем стать «долгоиграющим» леденцом, пробегалась водичей талой по свежей соломке, то ли оттого что штрифель усыпал крышу последними яблоками, и они так и остались на ней зимовать, вкус у ледышек с нашей мазанки особый – кисло-сладкий. И пахнут они чем-то очень знакомым, нашеским: вошницей, ржаной бабушкиной краяхой, яблоневым цветом.

Ребята с нашего переулка выпрашивают у меня «соломенные» карамельки. Все знают, что они не хуже покупных барбарисок. Даже в очередь за ними выстраиваются. У каждого своя сосулька. День ото дня она, будто морковка, растет и зреет.

В марте с утра, даже по генечку, снег на крыше начинает подтаивать, и малюсенькие струйки воды с соломинки на соломинку подбираются к гирилянде ледышек. Коснувшись сосулек, вода замерзает, а ледышки толстеют и набирают в весе.

Проньрливое солнышко дотягивается наконец своими лучами до «конфетной фабрики», и карамельки от тепла начинают плавиться. Вкуснющие медовые капли стекают по разбухшим соломинкам, по сосулкам, вы-

тягивают их в длину. Срываюются с кончика сосулек, и снизу, из снега, навстречу им растет бугорок не менее сладких ледяных бобышек.

После полудня начинает прихвывать. Морозец к вечеру крепчает. Ручеек уже не бежит, а медленно сползает по прозрачной морковине. Капель звучит все реже и реже. Зато сосулька вытягивается все длиннее и длиннее.

Наступает самый важный момент: надо изловчиться снять, не обломав, свою конфетину. А потом, гоняя в Шешкином овраге на санках или чиркая по запырошенной глади Желтого ручья коньками, успеть (до того, как загорят домой) излизать, исхрумкать, изгрызть свою сосульку, при этом умудриться не подхватить ангину, потому что через пару дней подрастет карамелинка куда вкуснее этой, насквозь пропитанная солнцем и весной.

Мартовская лазурь

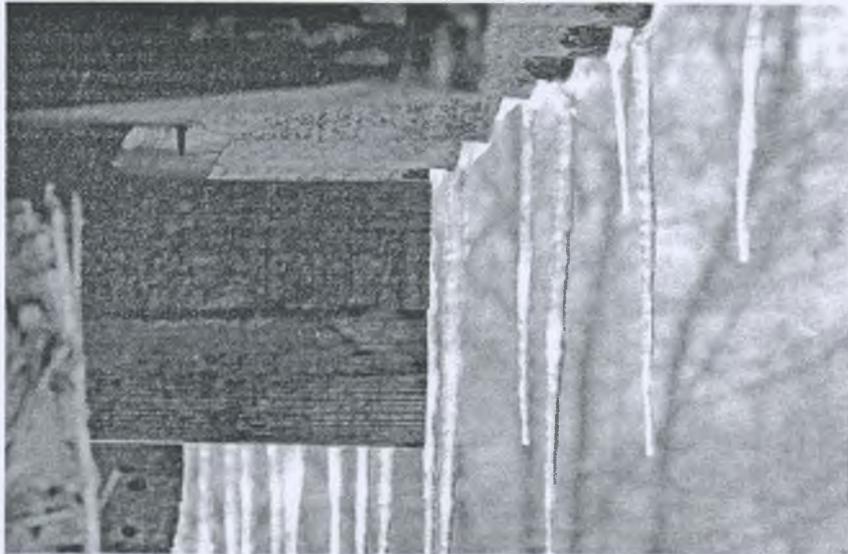
Под Покров, с первыми серьезными холодами, в доме встали зимние рамы. Чтобы тепло не просачивалось наружу, щели законопатили ватой, заклеили бумагой. Войдешь с мороза в дом и слышишь: в печи постреливают полешки, и чужие: комнаты пропитались березовыми и вишневыми смолками.

Но в марте пахнет вдруг от входной двери, из раскрытой форточки чем-то необычайно новым и в то же время с раннего детства изведанным. И захочется быть соучастницей подступающих перемен. На смену гнетущей вьюжной тоске зародится в груди рой светлых, ярких чувств.

Чтобы дышалось волней и отрадней, срываю бумагу, вынимаю вторые рамы и прячу до следующей осени в чулан. Дом становится просторней, шире, словно разворачивает плечи, потягивается и отряхивает последние зимние сны.

Свежо, светло и свободно. Окон в доме много. Хлопочу около них весь день: сдираю остатки бумаги, мою рамы и подоконники, ныряю на чердак и стаскиваю старые пожелтевшие газеты – натираю до блеска стекла.

К обеду собираюсь до кухонного подоконника. Дом наш высится Маковкой за вершине Мишкиной горы, и из этого окошка открываются такие дали, что порою среди ночи разглядишь огни поселка, лежащего за десять верст от хутора.

Мою окно, а сама нет-нет да на улицу посматриваю. Душа рвется туда – в залитый мартовским солнцем мир.

Овраги и буераки до верха забиты снегами. По ночам подмораживает так, что забытое на веранде ведро с ключевой водой разорвало льдом. Солнце в полдень только яростно сияет, а землю согреть не в силах. Липы у ворот красно-коричневые, а почки не прозеленились, не побурели стволы. И березняк в Шешкиной лощине не порозовел, кипенно-белый. Но надо же! Крохотные синички каким-то особым чутьем зачули начало великих перемен. Цвенькают так, что опухший ото сна Барсик наконец таки очухался. Лыкнул во двор разобраться, что к чему, и вот уже неделю пропадает от любви, орет по ночам, подменяя надорвавших голоса синиц.

Окна промыты так чисто, что не замечаешь пыли. Кажется, можно без препятствия спрыгнуть в палисадник, в эту прошитую солнцем лазурь.

Душой слышу неумолчный зов весны. Еще чуть-чуть и все, что движется, что может дышать, задышит, всколыхнется, пропитается мартом.

Только у нас, только на севере, на контрасте стужи и тепла, можно почувствовать и оценить настоящую весну. Вот и дождались – поддаваясь птичьему гаму, блеянию новорожденных ягнят, великому напряжению льдов на Кроме, пятятся холода.

Сердце бьется так, будто ждет чего-то большого и хо-

рошего, словно все заботы отступили, а впереди обязательно счастье.

И ветер нынче вестовой. Зима изглодала бока у гречишного стога. В холода он кряхтел, приседал, но держался. Налетел теплый мартовский ветерок, завихрил, засмутянил, шальный. Раскидал на оханки остатки изгрызанного стога, выстал двор соломой. Солнышко подогреть, день, другой, и снег под ней подтает. Куролесит ветер, хулиганит. Веселые наигрыши в проводах да в раковитых верхушках разучивает. На задорный весенний лад хутор настраивает.

А с крыши прямо мне в ладони то золотом, то серебром плавится, течет и капает солнце. Словно прожгли его озорные зайчики дырочки в шелках небесных, и сыплется оно на осевшие снега, брызжет в до краев наполненное ведро под водосточной трубой, подмурлыкивает развалившемуся на припек Барсику, сверкает в оперные горлянок, радостно переговаривающихся на коньке крыши.

Накинув шаль, выбегаю во двор, снимаю с веревок подсиненные и высушенные заботливен ветерком шторы. Развешиваю «кусочки неба» на карнизы. Распахиваю настезь форточки. Шторы оживают. И чудится мне, будто сама весна нагрянула ко мне в гости. Влетела на тончайших тюлевых крыльшках и разгуливает по комнатам, размашисто кропит на счастье каждый уголок солнцем, причащает пьянящим мартовским воздухом.

Биография

Татьяна Грибанова – писатель.

Родилась:
В деревне Игино Орловской области.

Образование:
Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института (ныне ОГУ).

Работа:
Преподаватель иностранного языка.

Публикации:
Автор двух поэтических книг «Апрель» и «Прошлый день». Печаталась в журналах: «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Московский вестник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Простор», «Подъем», «Лик», «Родная Ладога», в альманахах «Звезда полей», «Орел литературный», в периодической печати Москвы, Орла и др.

Награды и звания:
Член Союза писателей России. Лауреат конкурса «Звезда полей».